

Андрей. 2002. декабрь - с. 8-9.

"Пахомовна" ("Губернские очерки"). Рисунок М. Башилова.

По принятой в советскую эпоху схеме, русские писатели-сатирики делились на прогрессивных и не очень. "Реакционным" же сатирикам вообще отказывали в праве именоваться сатириками – они были злопыхатели, очернители и пасквильянты.

По той же схеме русская литература XIX века шла след в след с русским освободительным движением. Чем ближе подходил рубеж веков и чем яростнее делалась политическая борьба, тем сатирики становились прогрессивнее, а пасквильянты-злопыхатели – реакционнее.

Да вот беда: схема отчаянно сбояла.

Андрей Кротков

НИ ОДИН ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПРОГРЕССИВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ-САТИРИК не был лично знаком с Карлом Марксом, не посещал конгрессы I Интернационала, ни у одного из них в сочинениях не цитировался "Коммунистический манифест". Впрочем, один – А.И. Герцен – с Марксом был знаком, но мнение об авторе "Капитала" имел отрицательное, а его сторонников называл "марксидами". Некоторые сатирики изрядно подпортили себе анкету: Гоголь впал в мистицизм, Некрасов пил и картёжничал, Гончаров служил цензором. Равные им по рангу классики ударялись в очернительство: Достоевский написал антиреволюционных "Бесов", Лесков – "Некуда", Писемский – "Взбаламученное море".

Скользкая, как налим, сатира не давалась в руки советским литературоведам, отчаянно хлестала их хвостом по физиономиям, увёртываясь от классового подхода. Чтобы поставить сатириков в рамки, к ним применили два средства: 1) наклеили ярлык "классовой ограниченности", 2) начали пре-

парировать их творческое наследие, одни сочинения возносить до небес, другие – замалчивать.

Особенно не повезло в этом отношении Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину.

НЕСМОТЯ НА ТО, ЧТО ЩЕДРИН ПО "индексу цитирования" в сочинениях Ленина и речах Сталина шёл первым, собрания сочинений классика вплоть до 1960-х гг. выходили с многозначительной пометкой на обороте титульного листа: "под наблюдением такого-то".

Неправильного понимания и толкования щедринских текстов пере-

ЖЕРТВА города Глупова

стали опасаться только в 1976-м, когда к 150-летию со дня рождения вышло полное собрание его сочинений. Опасаться было уже нечего, Щедрин давно перестали читать. Писатель был фактически похоронен под бронзовым многопудьем своих книг.

Сейчас Щедрин тоже не в моде. Охотнее всего цитируют характеристику, которую дал Щедрину ненавидевший его Василий Розанов: "Волк... наелся русской крови и сытый отвалился в могилу".

Оставим кровь и волка на совети Розанова. Василий Васильич, человек очень талантливый, но со смердяковщиной, встрепанный, сексуально озабоченный – что называется, стукнутый пыльным мешком, – ненавидел Щедрин биологически, так, что и сам не мог объяснить за что. И ещё по литературному злопамятству отыгрывался: в своё время Михаил Евграфович невысоко оценил ранние опыты молодого Васи.

Теперьшняя нелюбовь к Щедрину понятна. Из всех русских классиков "золотого века" он – самый некомплементарный, самый жёсткий и нелюбимый, самый далёкий от казённого патриотизма. Только в последней его, полумемуарной по жанру, книге "Пошехонская старина" появляются нотки прекраснотуши и тёплых воспоминаний о детстве и юности, протекших в старозаветной атмосфере помещицкого захолустья.

Место службы Салтыкова. Здание Присутственных мест. Тверь. 1880

Михаила Салтыкова-Щедрина прозвали "вице-Робеспьером"

Имея, в отличие от многих собратьев по перу, настоящее европейское образование, зная изнутри, на основе личного административного опыта, властную структуру и политические нравы дореформенной и пореформенной России, Щедрин был полностью лишён прожектерских иллюзий.

ЗАКОНЧИВ ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ (кстати, Щедрин – второй и последний русский классик с дипломом этого учебного заведения, кто был первый – все помнят), он,

как говорили в те времена, "исправлял" государственные должности. Старший чиновник особых поручений при вятском губернаторе, советник вятского губернского правления, чиновник особых поручений при МВД, рязанский и тверской вице-губернатор, председатель губернской казённой палаты в Пензе и Туле – неплохой послужной список для человека, вышедшего в отставку с госслужбы в 36-летнем возрасте... Количество мелких и крупных жуликов-казнокрадов, бюрократов-волокитечек, взяточников и просто дураков и бездельников, которых Щедрин своей властью сумел турнуть со службы, оказалось столь велико, что в чиновном мире тогдашней России его прозвали "вице-Робеспьером".

В его самых знаменитых сочинениях ("Губернские очерки", "Господа Ружанцы", "История одного города",

"Помпадур и помпадурши", "Современная идиллия", "Господа Головлёвы", "Благонамеренные речи", "Сказки для детей изрядного возраста", "За рубежом") совсем нет тетеревиного токования о любви к России и сентиментально-патриотических слёз, которыми нередко разражались его маститые современники. Есть ядовитая ирония в адрес захлёбывающихся болтовнёй русских либералов, есть желчный сарказм по отношению к шибко крутым и сатанински жадным русским буржуа-первоначальникам, есть злость и досада при виде косной, тёмной крестьянской массы, которая "безмолвствует, ибо благоденствует" и равно способна как на чудеса самоотвержения и милосердия, так и на чёрные мракобесия и звериные жестокости. И есть совершенно inferнальный ужас перед неразвитостью и дикостью русского политического сознания, перед слепым фанатизмом "живущих во сне" революционеров, предчувствие неизбежных кровавых потрясений в стране, которая сама не знает, чего хочет...

По названным причинам Щедрин в советское время осторожно рекомендовали только как обличителя мерзостей царского режима. В его прозе старательно норовили видеть лишь публицистику, слегка загрированную под беллетристику. И даже такой далёкий от политических аллюзий шедевр, как "Господа Головлёвы" – один из самых потрясающих русских романов, – критика подвёрстывала туда же. Хотя только человек с большой фантазией смог бы пристегнуть Иудушку Головлёва к проблематике русского освободительного движения.

ЩЕДРИН-"ЦИВИЛИЗАТОР" НЕ ЗВАЛ Русь к топору, хотя и сотрудничал в журналах одновременно с литератора-

"Озорники" ("Губернские новости"). Литография П. Бореля.

ми, которые в этом плотницком инструменте видели единственное средство разрешения противоречий. Ему равно антипатичны были и заговорщические тенденции литературных нигилистов, и мелкое культуртрегерство поздних народников, и взвинченная почвенно-шовинистическая экзальтация консерваторов, примыкавших к Достоевскому. А когда в 1870-е годы в России, как на дрожжах, начало всходить то, что мы сейчас называем массовой беллетристкой, гнев Щедрина переклестнул через край. В запале он даже разругал "Анну Каренину" за великосветский тон...

В постсоветское время Щедрин, не выдержав конкуренции с Достоевским (гениальным прозаиком, но, что важнее, правильно "национально окрашенным" публицистом, антисемитом-антизападником и христианским мистиком), попал под огонь запоздалой критики и сделался в глазах современных образованцев чуть ли не главным русофобом.

Интересное это словечко – русофоб. Боящийся русских. Уж кого Щедрин не боялся, так это своих русских, – знал их как облупленных, в вице-губернаторских должностных поездках не нуждался в переводчике с простонародного на чиновный:

"Долго ждём. Перевоза всё нету. Мой спутник переминается с ноги на ногу и виновато глядит на меня.

– Закопшились чего-то мужики, – говорит он. – Покликать, что ли, ещё раз?"

Кличет – и не получает ответа. Выйдя на берег, я набираю в грудь воздуха и во всю силу лёгких, помимо и поверх полученного образования, ору:

– Эй, ты, там! Лодку давай! Твою мать-мать-ма-а-ать!

– Сейчас, черти! Чего ругаетесь? – поспешно откликаются с того берега, и лодка тотчас выплывает из-за ракут..."

В состав очерков "За рубежом" Щедрин включил драматическую сценку "Мальчик в штанах и мальчик без штанов". Так сказать, докиплинговский спор Востока и Запада. В этом споре мальчик без штанов (Россия) срезает мальчика в штанах (Европу) аргументом неотразимым:

"– А правду говорят, что ты, немец, за грош чёрту душу продал?"

– Ну что ж, что продал? Про вас говорят, что вы задаром отдали. Афера не особенно лестная.

– Задаром-то я отдал – стало быть, могу и опять назад взять. Эх ты, колбаса!"

КОГДА ЩЕДРИН ПОЧУВСТВОВАЛ приближение смерти, ему было всего 63 года. Изношенное переживаниями сердце отказывалось работать, медленно затихало. Незадолго до кончины он получил письмо от находившегося в вечной якутской ссылке Чернышевского. Прочёл молча. Спустя некоторое время обронил:

– Я здесь, он там. Россия... Всё вижу, всё понимаю – сделать ничего не могу.